

основ, с физиологии» [4, с. 204]. В своем понимании человека он в конечном счете исходит из концепции просветительского антропологизма, в которой человек предстает как «физиологическая машина», связанная ощущениями с жизненной средой и управляемая ими. Из этой же концепции в значительной мере исходил и Бальзак, но у него уже нет доверия к человеческой природе, ее «естественному эгоизму». Наученный горьким социальным опытом, он ищет начала и силы, способные обуздать буржуазного эгоистического человека, направить его энергию в русло, полезное для всего общества (именно в этом социально-философская подоплека пресловутого бальзаковского легитимизма). В основном же сциентистские ориентации устремляются у него в ином направлении — в направлении поисков научных основ разрабатываемых принципов реалистического метода.

А во второй половине века Флобер, разрабатывая свой «объективный метод», уже прямо призывает следовать науке и вдохновляться примером ученых в стремлении к точному, бесстрастному и безоценочному изображению жизни и человека. «Пора снабдить искусство неумолимым методом и точностью естественных наук», — провозглашал он, правда, сам не всегда и не во всем следуя этому призыву [5, с. 15]. Вслед за ним Гонкуры утверждают, что литература «решает те же задачи и берет на себя те же обязательства, что и наука», что роман — то же научное исследование, только осуществляемое иными средствами (предисловие к роману «Жермини Ласерте», 1866) [6, с. 30]. Законченное воплощение эта тенденция нашла, как известно, в теории и практике «экспериментального романа» Золя.

В целом же можно констатировать, что своеобразная «научная доминанта», существовавшая в умственной и духовной жизни Франции прошлого века, интенсивно сказывалась на развитии реалистической литературы, придавая ему специфический характер и направленность, все больше втягивая его в свою орбиту. В этом не без основания некоторые исследователи усматривают важнейшую типологическую черту французского реализма XIX в., которой в значительной степени определяется его своеобразие (см. например, [7, с. 265]). Данная особенность французского реализма обусловлена, конечно, не одним лишь «естественнонаучным пафосом» его художников, но и характером окружавшей их действительности, их восприятием этой действительности, ее идеологическим осмыслением. Стабилизировавшийся буржуазный мир вызывал у французских писателей-реалистов отвращение и отталкивание, их преобладающая реакция на него, особенно во второй половине века, — стремление от него отстраниться, превратить его в нечто совершенно внешнеположное и внеличное. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в переписку Флобера, в «Дневник» Гонкуров, в статьи Мопассана, но самое убедительное свидетельство — само творчество французских реалистов. Вследствие глубочайшего разочарования в буржуазных революциях и буржуазном прогрессе они перестали возлагать на наличную действительность какие-либо надежды и вместе с тем искать в ней такие стороны и тенденции, в которых они были бы активно заинтересованы, стремились бы их поддерживать и развивать, как это наблюдается у их современников, русских писателей-реалистов, имевших дело с действительностью скрытых возможностей, чреватой будущим. Французским же реалистам, особенно после 1848 г., представлялось, что жизнь общества определилась надолго, что не следует предаваться каким-либо надеждам и иллюзиям; напротив, должно, отстранившись от нее, подвергать ее беспощадно-критическому, «научному» анализу. В этом они видели свой высший долг и вместе с тем позицию, единственно достойную подлинного художника.

Как видим, отношение писателей к окружающей действительности, к «наличному бытию» во многом определяло преобладание научно-объек-